

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Инспектор службы безопасности славного аэропорта Шереметьево вид имел суровый и даже грозный, но в глаза Михаилу Юрьевичу смотреть явно не желал. Если бы Михаил Юрьевич интересовался подобными материями, он бы знал, что инспекторов нарочно учат не смотреть в глаза пассажирам, чтобы те на них как-нибудь не повлияли — например, не смогли загипнотизировать. Не то чтобы инспекторы слишком боялись гипноза, но, как говорится, береженого Бог бережет.

Однако Михаил Юрьевич ничего не знал о гипнозе, поэтому и не беспокоился особенно. Не забеспокоился он и тогда, когда их с женой Ларисой чемоданы осмотрели с особым тщанием. Ничего плохого не пришло ему в голову, даже когда его задержали на рентгене чуть дольше, чем ему бы того хотелось.

Нехорошее предчувствие появилось у него, только когда инспектор попросил пройти на личный досмотр.

— А что случилось? — заволновался Михаил Юрьевич.

— Ничего, стандартная процедура, — отвечал тот.

Михаил Юрьевич успокоился и, кивнув жене — мол, все в порядке, сейчас вернусь, — отправился следом за инспектором. За ними по пятам шел полицейский и невесть откуда взявшиеся понятия — две штуки, как и положено по закону. Если бы Михаил Юрьевич знал, что за ним следует не простой служитель порядка, а начальник линейного отдела полиции, вряд ли он был бы так же спокоен.

— Вы, наверное, из-за стомы¹ хотите меня досмотреть, — догадался Михаил Юрьевич. — Мне недавно операцию на кишечнике сделали, теперь вот, что называется, все мое ношу с собой. Но только, уверяю вас, там я ничего не прятал, да это и невозможно.

Ни инспектор, ни полицейский, ни, подавно, понятия ничего не ответили на это двусмысленное заявление. Вся компания молча зашла в комнату для досмотра, и дверь за ними закрылась. Спустя минуту рядом с закрывшейся дверью невесть откуда возник интересный собою шатен — старший следователь СК Орест Витальевич Волин. В самую комнату, однако, заходить он не стал, а лишь прислонился к стене, как бы охраняя выход на тот слу-

¹ Стома в хирургии — искусственное отверстие, создающее сообщение между полостью любого органа (например, кишечника) и окружающей средой. Если речь идет о кишечнике, стома обычно выходит в калоприемник, расположенный снаружи тела.

чай, если бы изнутри кто-то попытался с боем вырваться наружу. Кто и почему мог вырваться из комнаты для досмотра, было не совсем ясно, однако старший следователь заметно нервничал. Он даже вытащил из кармана пиджака пачку сигарет, но вспомнил, что в аэропорту курить запрещено, и сердито запихнул сигареты обратно.

Минут через пятнадцать дверь распахнулась. Первым вышел полицейский. Посмотрел на Волина.

— Ну что? — живо спросил старший следователь, отделяясь от стены.

— Ничего, — ответил полицейский, разводя руками. — Чист как стеклышко ваш гражданин Капустин.

— А рентген? — спросил Волин. — Рентген что-нибудь показал?

Оказалось, что и рентген ничем не помог слушителям Фемиды. Услышав это, старший следователь нахмурился. Ваш, сказал, рентген в данном случае и не мог ничего показать.

Такое замечание полицейскому не понравилось.

— Почему это не мог? — проговорил он несколько обиженно. — У вашего Капустина что — контрабанда прямо в желудке лежит? Наверняка есть контейнер для перевозки. И контейнер этот был бы виден на экране.

— Да в том-то и штука, что нет никакого контейнера, — с досадой отвечал Волин. — Ладно, что думаете делать дальше?

Офицер удивился: а что они могут сделать? Отпустят гражданина Капустина на все четыре сто-

роны, пусть летит белым лебедем в свою Голландию, или, правильнее сказать, в свои Нидерланды.

— Нельзя его отпустить, — старший следователь, обычно спокойный как слон, явно встревожился.

— Нельзя там или можно, а придется, — отвечал полицейский. — Никаких законных оснований задерживать гражданина у нас нет.

— У вас, может, и нет, а у меня есть, — хмуро заметил Волин.

Полицейский пожал плечами: это пожалуиста, но действовать будете на свой страх и риск. Он хотел добавить что-то еще, но тут дверь снова открылась. Из комнаты вышли понятые, потом инспектор и, наконец, сам Михаил Юрьевич.

— Я свободен? — спросил он у инспектора. — Могу идти на посадку?

— Можете, — любезно отвечал тот и даже показал рукой, куда именно нужно идти.

Однако не тут-то было.

— Секундочку, — сказал Волин, припирая Михаила Юрьевича к стене и вытаскивая из кармана удостоверение Следственного комитета. — Гражданин Капустин, вы задержаны по подозрению в незаконном перемещении через границу драгоценных камней!

* * *

— Да ты совсем охренел?! — за всю свою жизнь Волин не видел полковника Щербакова в таком бешенстве. — Ты слышишь меня, майор?! Читай по губам: ах! ре! нел!

Полковник до такой степени вышел из себя, что вопреки русской грамматике выкрикивал слова по слогам, словно пьяный боцман на палубе перед матросами-новобранцами. Глаза его таращились, как у краба, рот был похож на хищно оскаленную пасть мурены, а сам полковник больше всего смахивал на взбесившуюся акулу-людоеда. Буря, которую он поднял в кабинете, грозила разнести все вокруг и окончательно потопить проштрафившегося подчиненного.

Страшным усилием воли старший следователь отбросил военно-морские ассоциации и голосом тихим, но твердым попытался объяснить. Но полковник не желал прислушиваться к голосу разума.

— Мало того, что ты без законных оснований снял человека с рейса! Мало того, что не уведомил о своих действиях непосредственное начальство! Так ты еще предлагаешь взять и разрезать российского гражданина на части! Живьем!!

Тут Щербаков неожиданно умолк и посмотрел на подчиненного с укором.

— Слушай, майор, — сказал он почти негромко. — Мы, конечно, ведомство силовое и даже, можно сказать, карательное. Но не до такой же степени... Как ты можешь, а? Ты же был ребенком, мама у тебя была, папа, дедушка... Синиц кормил, котят гладил, старушек через дорогу переводил. Песни, наверное, пел. Стишки читал вслух — Пушкина, Лермонтова. «Когда был Ленин маленький с кудрявой головой, он тоже бегал в валенках по горке ледяной...» Вот это вот все —

было же у тебя в жизни, было, признайся! А теперь чего? А?! Ты пойми, майор, в тебе сейчас не сотрудник Следственного комитета говорит. В тебе сейчас говорит какое-то, прости господи, чикатило! Натуральное чикатило — и больше ничего. И ты мало того, что сам чикатилом стал, так еще и нас всех пытаешься чикатилами сделать...

И полковник снова умолк. В глазах его теперь плескалась одна только нечеловеческая печаль. Выждав из вежливости пару секунд, Волин начал защитительную речь.

Во-первых, ни на какие части никого резать он не предлагает. Нужно всего-навсего провести операцию и извлечь из подозреваемого возможную контрабанду.

— Возможную?! — возопил полковник. — Будем резать живого человека, чтобы извлечь возможную контрабанду?! Ты понимаешь, до чего мы так дойдем? Сперва будем извлекать возможную контрабанду, потом — ловить возможных преступников, затем — сажать возможных убийц! Так, по-твоему, должен работать Следственный комитет?

— Нет, не так, — твердо отвечал старший следователь. — И если вам, Геннадий Романович, не нравится «возможная контрабанда», заменим ее на «вероятную». Или даже на «очень вероятную».

Тут полковник опять раскричался. Из крика его выходило, что ни возможная, ни вероятная, ни даже очень вероятная контрабанда его, Щербакова, не скребёт. Потому что контрабанда — это

вопрос таможенников, пусть они ее и изымают изо всех возможных и невозможных мест. Какого хрена майор вообще полез в это мутное дело?

Вопрос был законный, и старшему следователю пришлось начать историю, что называется, от печки.

* * *

Любушку Кóпьеву Орест знал еще со школы. Она училась в параллельном классе и была соседкой его бабушки по лестничной клетке.

Бабушка, Татьяна Алексеевна, Любушку обожала. Скромная, милая и отзывчивая, она производила на взрослых неотразимое впечатление, чего совсем нельзя было сказать о сверстниках. Девчонки ее игнорировали, парни старались не замечать. И дело было не в отзывчивости, а в болезненной принципиальности Любушки. Обычно тихая и спокойная, она вспыхивала как спичка, если видела где-то непорядок или несправедливость. И тогда к ней лучше было не приближаться.

— Порвет, как Тузик грелку, — сообщил как-то Оресту его друг Вавилов, однажды ставший жертвой Любушкиной принципиальности. — Держись подальше, целее будешь.

Что такого страшного сотворила с ним Любушка, а главное, за что, Вавилов не сказал, но ясно было, что дело не шуточное.

Бабушка, впрочем, ничего этого не знала и обожала Любушку совершенно чистосердечно.

— Куда смотрят твои глаза? — выговаривала она внуку. — Погляди, какая девушка рядом ходит, не чета твоим шалавам!

Справедливости ради, никаких особенных шалав рядом с Орестом не наблюдалось: девчонки как девчонки, некоторые даже не курили. Однако из любви к бабушке он на всякий случай все-таки присмотрелся к Любушке. Но сколько ни присматривался, ничего нового не обнаружил. Губы там, нос, бедра, ноги — ничего выдающегося. Ну, может, глаза необычные. Не в смысле красивые, а в смысле добрые и такие жалостливые, как будто при ней щенка придушили.

— Когда женщине говорят, что у нее добрые глаза или, например, пышные волосы, это значит, что ничего лестного о ней сказать нельзя, — объяснял Оресту дедушка Арик. — Поэтому никогда не говори девушке, что у нее красивые глаза, это оскорбительно. Хочешь сказать комплимент, говори, что она вся красивая — целиком, без изъятий. Но с комплиментами тоже будь осторожен. У девушек богатое воображение. Скажешь что-то из чистой любезности, а она вообразит бог знает что. Имей в виду, влюбленная девушка — это бомба страшнее ядерной. Если, конечно, влюбленность не взаимная.

Но все это казалось Оресту старческими разговорами, никак не связанными с реальной жизнью. На практике выходило, что Любушка ничего такого собой не представляла, а под горячую руку могла и навалить — пусть даже только словесно.

Если так, то с какой же стати уделять ей особое внимание? Вот он и не уделял.

Жизнь тем временем шла своим чередом. Они закончили школу, Орест поступил в юридический, Любушка — в медучилище. Потом ее долго не было видно, кое-кто даже думал, что она умерла. Но на самом деле она не умерла, а просто уехала к мужу — что, согласитесь, не всегда одно и то же. Потом Любушка развелась, снова стала Кóпьевой и возвратилась в родительскую квартиру. Волин опять стал время от времени встречать ее во дворе и говорить «привет!», как в старые, школьные еще годы.

Хотелось бы, конечно, сказать, что со временем Любушка расцвела, сделалась интересной женщиной и холостой Волин даже стал на нее заглядываться. Но, увы, ничего такого не случилось: Любушка не расцвела, осталась такой же, как и была в школе, только вместо первого размера лифчика стала носить третий, а глаза у нее сделались еще более жалостными, как будто на глазах ее душили теперь не одного щенка, а целый выводок. И так бы, наверное, он и ходил мимо нее до самой старости, если бы однажды вечером Любушка вдруг не остановила Волина прямо во дворе, где она сидела на скамейке, дожидаясь, пока старший следователь вернется со службы.

— Орик, ты ведь в Следственном комитете работаешь? — спросила Любушка. Вид у нее при этом был непривычный, то есть не жалостный, а озабоченный.

Ориком звала Ореста бабушка. Он был Орик, а дед был Арик, хотя на самом деле деда звали Аркадием.

— В Следственном комитете, — подтвердил Орест, с удивлением разглядывая озабоченную Любушку.

— А я в клинике, — сказала она, — старшей медсестрой.

— Круто, — кивнул Орест, и тут же слегка устыдился своей реакции, потому что ничего крутого не было в профессии медсестры — ну, разве что для эротических фильмов хорошо.

Но Любушка не снималась в фильмах и не стала размениваться на мелочи, уточняя, что круто, а что нет.

— У меня к тебе серьезное дело, — продолжала она, наморщив лоб. — Присядем?

Они присели на скамеечку, и присели как-то неудачно, оказавшись слишком близко. Впрочем, Волин ничего не почувствовал, кроме легкого неудобства, а Любушка, кажется, не почувствовала и этого.

— Я тебе расскажу одну историю, а ты уж сам решай, что делать, — сказала она.

История оказалась действительно любопытной.

Некоторое время назад к ним в клинику пригласили работать одного хирурга, по фамилии, скажем, Конопатов. Он не был мировой знаменитостью, но был широко известен в узких кругах. В соцсетях он не отсвечивал, но профессионалы его знали. Причем мнения о нем у разных людей сильно расходились — от гения до бездарности.

Так или иначе, доктор Конопатов начал работать в Любушкиной клинике. Правда, перешел он с условием: вместе с ним приходит и вся его команда — от анестезиолога до медсестры. Условие, конечно, было немножко странным. Но сейчас вообще странное время: все сошли с ума на командах, таскают их за собой, как близких родственников.

— В принципе, понять это можно, — заметила Любушка. — Профессионалов почти не осталось, особенно среди тех, кто моложе пятидесяти.

Из этого короткого замечания Волин понял, что характер Кóпьевой ничуть не изменился, это была все та же принципиальная девчонка, в которой доброта странным образом сочеталась с неприемлемостью.

В общем, с требованием Конопатова о переводе его людей согласились, тем более что вакансий в клинике хватало.

Как уже говорилось, доктор, несмотря на свою известность, держался скромно, почти незаметно. Единственное, чего он терпеть не мог, так это обсуждения его персоны и особенно — профессиональной деятельности. Тут хирург взрывался, как петарда, и начинал искрить. Опять же, ничего удивительного: люди стали страшно самолюбивые и болезненно ранимые — куда ни плюнь, всюду у них травма.

Но совсем недавно случилась странная история. В клинику доставили пациента Капустина с обострением НЯК.

— НЯК? — удивился Волин. — Это что за зверь такой?